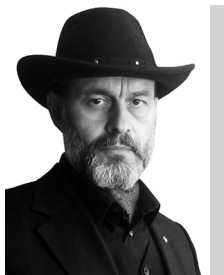

ДЕЦИЗИОНИЗМ В РОССИИ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАТОРЫ КАРЛА ШМИТТА. ЧАСТЬ I

Костокрызов Павел Игоревич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-9345-3900,
E-mail: pkostogryzov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.09.2020, принята к публикации 02.12.2020

Для цитирования: Костокрызов П.И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Часть I // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 62-76. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76

Аннотация

Карл Шмитт известен как основоположник децизионизма – учения о политическом решении, принимаемом сувереном в чрезвычайных обстоятельствах и имеющем конститутивный характер для политического и правового порядка в государстве. Автор статьи, применяя сравнительно-исторический метод, попытался найти в русской политико-правовой мысли начала XX в. концепции, которые могли бы претендовать на роль «протодецизионистских». Речь идет о работах представителей консервативного направления государственно-правовой мысли: Л.А. Тихомирова, Н.А. Захарова и П.Е. Казанского. Другим объектом исследования стали интерпретации децизионизма К. Шмитта в современном российском государствоведческом дискурсе. Показано, что русская государственная наука начала XX века, развивавшая собственное учение о суверенной власти и ее Решении как конституирующем начале политического и правового порядка, пришла к выводам во многом аналогичным шмиттовским, а в некоторых вопросах продвинулась даже дальше К. Шмитта. Из проведенного сравнения сделан вывод, что попытка построить «политическую

© Костокрызов П.И., 2021

теологию» на чисто рациональных, претендующих на научность, основаниях привела К. Шмитта к обожествлению государства и тем самым – к иррационализации науки. Напротив, русские консервативные мыслители никогда не забывали, что политический онтоc – отнюдь не предел бытия, и будучи в нем последней инстанцией, суверен все же имеет над собой высшее начало. Эта, пусть и чисто идеальная подотчетность, и составляет конечное основание его суверенности. Именно соблюдение верного иерархического отношения между трансцендентным и имманентным, метафизическим и онтологическим, Божественным и человеческим помогло им удержаться от подмены Абсолютного относительным и избежать обожествления земной власти.

Ключевые слова:

децизионизм, Карл Шмитт, Лев Тихомиров, П.Е. Казанский, Н.А. Захаров, консерватизм, государствоведение, верховная власть, суверенитет, политическая теория, политический дискурс.

UDC 321.01

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76

DECISIONISM IN RUSSIA: CARL SCHMITT'S PRE-REVOLUTIONARY PRECURSORS AND MODERN INTERPRETERS. PART I

Pavel I. Kostogryzov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of History,
Senior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-9345-3900,
E-mail: pkostogryzov@yandex.ru

Article received on September 16, 2020, accepted on December 2, 2020

To cite this article: Kostogryzov, P.I. (2021). Decizionizm v Rossii: dorevolucionnyye predshestvenniki i sovremennyye interpretatory Karla Shmitta. Chast' I [Decisionism in Russia: Carl Schmitt's pre-revolutionary precursors and modern interpreters. Part I]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 62–76. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76

Abstract

Carl Schmitt is known as the founder of decisionism – the doctrine of political decision made by sovereign in extreme circumstances and having a constitutive character

for the political and legal order in the state. The author of the article using comparative historical method tries to find in Russian political and legal thought of the early 20th cent. concepts that could claim the role of “proto-decisionist”. The ideas of conservative legal thinkers as L.A. Tikhomirov, N.A. Zakharov and P.E. Kazansky are under discussion. Interpretations of C. Schmitt’s decisionism in contemporary Russian political discourse are studied as well. It is shown that Russian state science of the early twentieth century, which developed its own doctrine of sovereign power and its Decision as the constituting principle of the political and legal order, came to conclusions that were largely similar to those made by Schmitt and in some issues advanced even further than C. Schmitt. The comparison provided leads to the conclusion that an attempt to build “political theology” on purely rational, scientific grounds led C. Schmitt to deification of the state and thereby to irrationalization of the science. On the contrary, Russian conservative thinkers never forgot that the political *ontos* is by no means the limit of being, and being the ultimate authority in it, the sovereign still has a higher principle over him. And it is precisely this, albeit purely ideal accountability that is the ultimate foundation of its sovereignty. It was this constant observance of the true hierarchical relationship between the transcendental and the immanent, the metaphysical and the ontological, the Divine and the human that helped them to refrain from replacing the Absolute with the relative and avoiding deification of earthly power.

Keywords:

decisionism, Carl Schmitt, Lev Tikhomirov, P.E. Kazansky, N.A. Zakharov, conservatism, state studies, supreme power, sovereignty, political theory, political discourse.

Введение

С трудами Карла Шмитта российские читатели начали знакомиться в 1990-е годы. В последующие десятилетия внимание к ним закономерно росло, и к настоящему времени этот немецкий мыслитель стал одним из наиболее авторитетных и часто цитируемых государствоведов, а его идеи – предметом непрекращающейся дискуссии в отечественной науке и публицистике. Современная русская шмиттиана насчитывает уже трехзначное количество публикаций (не претендуя на то, чтобы дать обзор даже основных работ по К. Шмитту, назовем лишь несколько: Дугин (1994, с. 54–67); Филиппов (2000, с. 259–314); Исаев (2007, с. 193–212); Юрлова, (2012, с. 196–204); Русакова (2013, с. 266–269); Кондуров (2018, с. 63–91); Ерохин (2018) и др.

К. Шмитт внес заметный вклад в несколько областей политической и юридической науки: это и конституционное право, и геополитика, и типология юридического мышления. Но в первую очередь он известен как основоположник децизионизма – учения о доправовом основании права, полагающего таковое в политическом решении, принимаемом сувереном в чрезвычайных обстоятельствах и имеющем конститутивный характер для политического и правового порядка в государстве.

Именно эта часть наследия К. Шмитта вызывает наибольший интерес и острые споры у отечественных ученых, публицистов и политиков. Особую

актуальность построения Шмитта приобретают в переживаемых в настоящий момент¹ не только нашей страной, но и всем миром тревожных обстоятельствах, с неожиданной и несколько даже пугающей очевидностью обнаживших хрупкость привычного, еще недавно казавшегося незыблемым политико-правового порядка и заставляющих научную мысль вновь и вновь обращаться к исследованию его «децизионистских» оснований, а также искать в принимаемых властными субъектами решениях еще нечеткие контуры становящегося порядка будущего.

Учение К. Шмитта о конститутивном решении суверена и станет предметом нашего рассмотрения под несколько непривычным углом зрения. Его обычно рассматривают изолированно, в лучшем случае указывая на генетические связи с социологией Макса Вебера и оппонирование нормативизму Ганса Кельзена. Возможные параллели децизионизма К. Шмитта в русской научной мысли, насколько нам известно, не становились предметом самостоятельного исследования. Мы попытаемся поставить децизионизм Шмитта в более широкий идейный контекст, применив сравнительно-исторический метод.

Цель данной статьи – не просто предложить очередную интерпретацию идей немецкого философа, а попытаться найти в русской политико-правовой мысли начала XX в. концепции, которые могли бы претендовать на роль «протодецизионистских». Отнюдь не подвергая сомнению самостоятельность и оригинальность построений Шмитта, мы постараемся показать, что русская государственная наука начала XX века, развивавшая собственное учение о суверенной власти и ее Решении как конституирующем начале политического и правового порядка, пришла к выводам во многом аналогичным шмиттовским, а в некоторых вопросах продвинулась, возможно, даже дальше К. Шмитта. Речь пойдет о работах представителей консервативного направления государственно-правовой мысли, прежде всего таких, как Л. А. Тихомиров (2008), Н. А. Захаров (2002) и П. Е. Казанский (1999). Другим объектом нашего внимания станет то, как децизионизм К. Шмитта интерпретируется в современном российском государствоведческом дискурсе.

Результаты исследования

Основу понятийного аппарата децизионизма и ядро соответствующего дискурса образуют выработанные К. Шмиттом категории суверена, исключительного случая и Решения². Понятие «суверен» введено не К. Шмиттом – в своем современном значении оно было сформулировано в XVI в. Жаном Боденом и с тех пор широко используется в политической и юридической науке. Особенность

¹ Статья писалась в апреле – мае 2020 г.

² Здесь и далее (кроме прямого цитирования) мы пишем слово «Решение» с прописной буквы, когда оно употребляется в «специфически децизионистском» смысле, обозначая конститутивное решение суверена, принимаемое в исключительном случае – «решение в высшем смысле», чтобы отличать его от обычных, «ординарных» решений государственной власти (включая и суверена), «вписанных» в рамки правовой нормативности. Сам Шмитт, желая подчеркнуть эту разницу, использовал два разных слова: «Dezision» и «Entscheidung».

его трактовки у К. Шмитта состоит в том, что он акцентировал внимание на одном свойстве суверенитета – способности его носителя творить правовой космос из хаоса, буквально «из ничего» с «нормативной точки зрения» (Шмитт, 2000, с. 51). Эту способность суверен проявляет в «исключительном случае», т. е. в чрезвычайной ситуации, и не просто чрезвычайной, а такой, которая угрожает самому существованию государства или уже привела к его распаду, вызвав необходимость вновь «собрать» его из обломков, восстанавливая старый политико-правовой порядок или создавая новый. Мостом, по которому государство переходит через грозящую гибелью бездну хаоса к нормальному состоянию правовой упорядоченности, является Решение суверена, конституирующее государственственный строй – неважно, идет ли речь о воссоздании ранее действовавшей конституции или о создании новой. Решение не может быть обосновано правовой нормой: оно «освобождается от любой нормативной связанности и становится в собственном смысле слова абсолютным» (Шмитт, 2000, с. 25). Напротив, оно само закладывает основание правового порядка, потому что исключительный случай – это ситуация, принципиально вне-правовая, нормы права не могут ее предусмотреть. В дальнейшем именно Решение становится точкой отсчета правовой нормативности: правом отныне считается то, что соответствует ему, неправом – то, что ему противоречит. Опять же неважно, идет ли речь о простой реставрации прежней правовой системы или о формировании новой.

На неизбежный вопрос, кто определяет, являются ли сложившиеся обстоятельства исключительноным случаем, требующим Решения, Шмитт дает вполне ожидаемый ответ: сам суверен. Объявление конкретной политической ситуации чрезвычайной само по себе является чрезвычайным Решением: «решение об исключении есть именно решение в высшем смысле» (Шмитт, 2000, с. 15). Более того, именно возможность принятия Решений такого рода рассматривается Шмиттом как квалифицирующий признак суверена: «суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» (Шмитт, 2000, с. 15).

Разумеется, децизионизм предполагает, что суверен использует свои неограниченные полномочия лишь в целях поддержания и сохранения нормального политико-правового порядка. Право на объявление исключительного состояния всегда сохраняется за ним, но может быть использовано только как крайняя мера спасения государства и права, когда обычные, предусмотренные конституцией меры исчерпаны. Суверен у Шмитта выступает как демиург политического и правового универсума. Он сначала творит этот универсум из ничего, а затем по мере необходимости спасает своими Решениями от попыток хаоса вновь его поглотить: «суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности. Он обладает монополией этого последнего решения. В этом состоит сущность государственного суверенитета» (Шмитт, 2000, с. 26). Такова кратце суть шмиттовского децизионизма.

Сам К. Шмитт в числе своих идейных предшественников называл целый ряд европейских философов, начиная с Ж. Бодена и Т. Гоббса, особенно выделяя «философию государства контрреволюции», представленную Ж. де Местром, Л. де Бональдом и Х. Доносо Кортесом (Шмитт, 2000, с. 18, 53, 80). Вопрос о том, можно ли всех этих мыслителей считать децизионистами именно в шмиттовском смысле, остается дискуссионным, но бесспорно то, что все они уделяли большое внимание проблеме суверенитета и подчеркивали его связь с чрезвычай-

чайными обстоятельствами, требующими конститутивного Решения. «То, что это понятие [суверенитет] связано с критическим, то есть с исключительным случаем, обнаруживается уже у Бодена», – писал Шмитт (2000, с. 18). Но все-таки суверенитет предшественниками К. Шмитта рассматривался, так сказать, в статике, как стабильно существующий и не нуждающийся в переучреждении порядка, Решение у них всех (даже у Гоббса, который ближе других подошел к децизионизму шмиттовского типа) трактовалось как уже свершившееся событие, лежащее в основании действующего порядка и не требующее повторения.

Из наших соотечественников К. Шмитт в своей идейной «генеалогии» не числил никого. Русские имена в его трудах, посвященных проблеме суверенитета и Решения, упоминаются только там, где автор спорит с идейными противниками – например, с М. Бакуниным и П. Кропоткиным. Причины этого очевидны: работы русских государствоведов консервативного лагеря не переводились на иностранные языки, а по-русски в Западной Европе не читали, и К. Шмитт не был исключением. Однако идеи, созвучные шмиттовскому децизионизму, высказывались многими отечественными мыслителями, придерживавшимися правых взглядов. Более того, в определенных аспектах русские предшественники К. Шмитта мыслили глубже своего более знаменитого немецкого коллеги, а их идейные конструкции были свободны от некоторых слабых мест, которые можно обнаружить в построениях К. Шмитта.

Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что децизионизм был имманентной чертой русского государственно-правового мышления XIX–XX вв. Возможно, именно в силу этой своей естественности он так никогда и не был артикулирован со шмиттовской определенностью и четкостью. Несмотря на это, в трудах отечественных право-консервативных государствоведов мы найдем немало высказываний, созвучных идеям Шмитта. Первой и наиболее очевидной причиной этого был сам характер государственного строя Российской Империи. В отличие от большинства стран Запада, в течение XIX века перешедших от монархического суверенитета к народному, в России император сохранил полноту верховной власти, поэтому суверен присутствовал не только в качестве абстракции, но и зримо – был, так сказать, «дан в ощущении» русским ученым. При этом полномочия суверена понимались ими практически так же, как их трактовал несколько десятилетий спустя К. Шмитт.

Вот как определял верховную власть (т. е. власть суверена: «на языке наших законодательных памятников выражение «верховный» означает вообще то же самое, что на западноевропейских языках выражение «суверенный», – отмечал П. Е. Казанский (1999, с. 226)) виднейший русский специалист по государственному праву XIX в. Б. Н. Чичерин (1894, с. 61): «юридически, она ничем не ограничена; она может делать все, что считает нужным для общего блага... она не подчиняется ничьему суду, ибо, если бы был высший судья, то ему принадлежала бы верховная власть. Она источник всякого положительного закона... Наконец, она источник всякой государственной власти и верховный судья всех других властей. Одним словом, это власть в юридической области полная и безусловная». Этот взгляд разделяли и Н. М. Коркунов, указывавший на синонимичность «верховенства» и «неограниченности» (Коркунов, 1899, с. 199), и А. С. Алексеев, писавший, что верховная власть «неограниченна по своему существу» (Алексеев, 1897, с. 221–222), и другие юристы того времени.

Самое существенное отличие от шмиттовского децизионизма, которое здесь нельзя не заметить, – это неразработанность категории «исключительного случая», создающего необходимость переустройства правопорядка, вызывая к жизни Решение суверена. Русские государствоведы XIX в. не разграничивали ординарные и чрезвычайные решения верховной власти. И это вполне объяснимо: позитивное государственное право того времени не давало к этому никаких оснований. Все повеления императора рассматривались как нормативные акты одного уровня, различия между законами, указами, высочайшими манифестами имели только технико-юридическое значение.

Ситуация изменилась с изданием новой редакции Основных государственных законов 23 апреля 1906 г., в которой было проведено разделение властей (Костогрызов, 2016а, с. 5–9) и предпринята попытка (пусть и не вполне удачная (Костогрызов, 2016b, с. 687–693)) упорядочить текущую нормотворческую деятельность верховной власти, регламентировав формы ее осуществления. Русское государственное право стало обретать черты права конституционного, и перед политико-правовой наукой встал вопрос о пределах и формах проявления верховной власти суверена. Даваемые на него разными авторами ответы различались, вплоть до полной противоположности, складывались научные направления, придерживавшиеся взаимоисключающих взглядов на проблему (Костогрызов, 2003, с. 20–23, 2013, с. 263–268). Одно из них, которое можно назвать правым или консервативным, в своих построениях предвосхитило основные идеи децизионизма – если не вполне в шмиттовском духе, то в очень близком к нему. Представители этого направления, анализируя догму государственного права Российской Империи, не ограничивались простым анализом лежащих на поверхности взаимоотношений ветвей власти, впервые в истории русского государственного права получивших четкое разграничение. Их взгляд устремлялся глубже в поиске корня, из которого эти ветви произрастают, и находил там верховную власть самодержавного суверена (существование которой игнорировали их оппоненты).

Надо сказать, что задача русских государствоведов в этом вопросе была несколько проще, чем у К. Шмитта. В отличие от республиканских конституций, вроде Веймарской, и даже конституции Германской империи 1871 г. и подобных ей основных законов ограниченных монархий Европы, с которыми главным образом приходилось работать немецкому юристу, Основные законы России содержали норму, эксплицирующую суверена в лице монарха: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть...» (статья 4).

У автора «Политической теологии» такой однозначной ясности нет. Неслучайно поэтому вопрос о том, кто, собственно, в представлении Шмитта должен быть сувереном, стал одним из самых спорных в современном российском «шмиттоведении». Сам философ разрабатывал общую теорию суверенитета, которая была бы применима ко всем его разновидностям. Хотя его личные политические (и если можно так сказать, эстетические) симпатии как бескомпромиссного консерватора – явно на стороне единоличной верховной власти (Русакова, 2013, с. 267), научная беспристрастность ему никогда не изменяла, и он в своих трудах не отрицал возможности коллективного обладателя суверенитета. Тем не менее, часто можно встретить утверждения, что для Шмитта суверен – это обязательно конкретная персона – монарх, диктатор, президент

и т. д. Так, В.Е. Кондуров (2018, с. 72) в своей весьма глубокой в других отношениях статье пишет: «в «Гаранте конституции» К. Шмитт наделяет президента атрибутами суверена, а... при проведении различий между главой государства в «Гаранте конституции» и сувереном в «Политической теологии» речь может идти только о расстановке акцентов». М.Д. Юрлова (Марей) (2016, с. 74) также приписывает немецкому философу отождествление гаранта конституции (коим, напомним, по Шмитту является президент) с сувереном.

Между тем, сам К. Шмитт категорически отвергал такую трактовку понятия суверена, которая допускала бы подобное отождествление: «что президент республики... никогда не сможет быть сувереном, ясно само собой» (Шмитт, 2005, с. 251), – писал он, причем именно в работе, специально посвященной единоличной власти. Президент – это магистрат, облеченный властью, делегированной ему избирателями. Сколь бы ни был велик объем его полномочий, их источник – не в нем самом, а в народе, которому и принадлежит суверенитет.

Несмотря на это, идея о том, что шмиттовский суверен – это обязательно «одно лицо», находит немало сторонников среди российских ученых. С еще большей категоричностью, чем процитированные выше авторы, ее высказывает другой исследователь – М.П. Остроменский, разрабатывающий интереснейшую тему связи теории суверенитета К. Шмитта с его же теорией партизана (Остроменский, 2016, с. 86–93, 2017, с. 16–28). Характерно, что в подтверждение своей позиции М.П. Остроменский ссылается не на самого философа, а на работу отечественных «политических лингвистов», авторы которой бездоказательно приписали Шмитту утверждение, что суверен – это непременно «индивид», хотя ни в одной из анализируемых ими цитат оно не содержится (Гузикова, Спиридонов, 2014, с. 105–112).

Кстати, так же поступают и некоторые непримиримые оппоненты Шмитта, отождествляя его концепцию суверенитета с персональной диктатурой и тем самым предельно упрощая (если не сказать – вульгаризируя) мысль философа. Да, в большинстве случаев Решение принимает конкретное лицо (и преимущество монархической разновидности суверенитета, которое подчеркивал Л.А. Тихомиров и другие русские авторы, – в том, что в монархии такое лицо всегда присутствует несомненно и зримо), но децизионистская теория Шмитта «работает» точно так же и в случае коллективного суверенитета.

Последовательное проведение принятой М.П. Остроменским идеи «суверен = индивид» приводит его к еще более серьезной ошибке, весьма распространенной в политической публицистике, но недопустимой в научном исследовании, – отождествлению суверена с высшим должностным лицом государства. В одной из статей он приводит исторические примеры успешных и губительных Решений единоличных суверенных правителей и, рассматривая как ситуацию, требующую Решения, «положение на Украине в период гражданского противостояния в ноябре 2013 – феврале 2014 гг.», пишет: «тогда организации Евромайдана серьезно поставили под сомнение легитимность президента В.Ф. Януковича как суверена. Последний не смог её доказать и отстоять» (Остроменский, 2017, с. 19). Но Янукович и не был сувереном – президент им не является ни по конституции Украины, ни «по Шмитту»! Вообще, проблема принятия Решения при чрезвычайной ситуации в государстве с народным суверенитетом заслуживает отдельного рассмотрения, и особый интерес она приобретает именно в связке

с теорией партизана, который, по М.П. Остроменскому (2017, с. 23–24), решает «для себя лично проблему децизионизма... и становится сувереном». Кстати, богатый материал для анализа под этим углом зрения могли бы дать не только события 2013–2014 гг. на Украине, но и осени 1993 г. в Российской Федерации...

Но вернемся к дореволюционным предшественникам К. Шмитта. Как мы уже сказали, они видели свою задачу в научном описании верховной власти императора, о которой прямо говорили Основные законы. Поэтому перед ними не стоял вопрос «кто обладает суверенитетом?», но лишь «как именно проявляется власть суверена?»

Ход их мыслей и выводы, к которым они пришли, во многом предвосхищали рассуждения К. Шмитта. Как и немецкий юрист, русские государствоведы начала XX в. четко разграничивали два модуса или режима существования и действия государственной власти вообще и власти суверена в особенности: ординарный и экстраординарный (чрезвычайный или исключительный). Первый исчерпывающе регламентируется статьями конституций и законов, второй не поддается нормативному урегулированию. Л. А. Тихомиров (2008, с. 482) указывал на «различие функции Верховной власти как силы управительной и как силы учредительной». В первом качестве она действует в рамках законодательно установленных процедур и, как правило, посредством подчиненных ей органов (система которых обычно укладывается в рамки традиционной модели разделения властей – исполнительной, законодательной и судебной), каждый из которых осуществляет свои, четко очерченные конституцией полномочия. Монарх – а в данном случае, напомним, речь идет именно о монархическом суверенитете – если и участвует в правительственной деятельности, то не в качестве носителя верховной власти, а как высшее должностное лицо («магистрат» по Шмитту) одной из ветвей «власти управительной» (чаще всего – исполнительной).

Во втором качестве – «как сила учредительная» – верховная власть проявляет себя в чрезвычайных обстоятельствах (шмиттовский «исключительный случай»), требующих Решения, выходящего за рамки конституционных норм, т. е. нормального политико-правового порядка, когда этот порядок разрушен или находится под угрозой разрушения, и возникает необходимость реконституировать его. «Верховная власть есть по своему существу власть учредительная <...> Ее учредительный характер, проявившись в организации учреждений, и после того не исчезает, а вечно проявляется одинаково во всех отраслях государственного бытия. Но эти проявления имеют характер особого, чрезвычайного действия, на которое не имеют права никакие подчиненные, созданные ею учреждения», – писал Л. А. Тихомиров (2008, с. 401) в 1911 году.

Менее чем через два десятилетия Карл Шмитт, сопоставляя положение рейхспрезидента по Веймарской конституции и суверенного государя, подчеркивал, что в «государственности, покоящейся на монархическом принципе... наряду с ординарной, конституционно разделенной властью, в скрытом виде существует еще и экстраординарная государственная власть, которую никогда не удается без остатка охватить конституционным регламентом. По усмотрению ее обладателя, который, таким образом, выступает как суверен, она может непосредственно, во всей полноте своего могущества выступить на защиту общественной безопасности и существования государства» (Шмитт, 2005, с. 250–251).

Как видим, русский и немецкий мыслители приходят к идентичным выводам о чрезвычайных полномочиях суверена и их отличиях от полномочий ординарных органов власти. Разница лишь в том, что Шмитт называет их «существующими в скрытом виде», тогда как для Тихомирова в них нет ничего «таинственного». Эта разница, как отмечалось выше, объясняется различием самой правовой материи, с которой имел дело каждый из авторов.

Несмотря на то, что вопрос о разграничении чрезвычайной власти суверена и ординарных полномочий правительства был исчерпывающе разработан русским государствоведением более ста лет назад, среди современных исследователей децизионизма он пока не получил ясной и однозначной трактовки. Например, К.Г. Мальцев и Е.А. Зайцева, рассуждая о том, какое место могут занимать суверен и Решение в «современном государстве закона», указывают *три* таких потенциальных «места»: «*во-первых, решение об учреждении порядка <...> который, в силу ряда обстоятельств, нуждается в переустановлении, для чего требуется либо новое решение, либо подтверждение старого; во-вторых, решение о чрезвычайном положении, которое принимает суверен, и которое находится вне рамок правового универсума; в-третьих, решение о применении права к конкретному случаю <...> Все три случая связаны между собой и конститутивны для социального порядка*» (Мальцев, Зайцева, 2016, с. 107).

С этим можно согласиться, но лишь отчасти: если первые два случая действительно соответствуют шмиттовскому понятию чрезвычайной ситуации, требующей Решения суверена, то третий случай всецело лежит в области «нормально действующего правопорядка» (Шмитт, 2000, с. 17) и непосредственного вмешательства суверена не требует, для него вполне достаточно действия ординарных органов власти. В самом деле, невозможно апеллировать к суверену всякий раз, когда возникает необходимость применить норму права к конкретному случаю.

Такое смешение «*решения о применении права к конкретному случаю*» с действительно «*конститутивным для социального порядка*» Решением суверена может возникать при исследовании государства с единоличной верховной властью, по-видимому, оттого, что монарх, как правило, является не только сувереном, но и главой исполнительной власти. Если ему действительно приходится принимать *решения о применении права к конкретному случаю* в рамках «*нормально действующего правопорядка*» то именно как пусть и высшему, но ординарному должностному лицу, а не как носителю суверенитета. Его действия в этих двух качествах необходимо строго разграничивать, что не всегда удается при поверхностном рассмотрении. «Поэтому связывать Верховную власть с исполнительной во всех случаях, требующих чрезвычайного действия, это значило бы настолько же преувеличивать авторитет исполнительной власти, насколько преуменьшать авторитет Верховной власти», – подчеркивал Л.А. Тихомиров (2008, с. 401). Четко проводил это разграничение и К. Шмитт, как видно из процитированного выше отрывка об ординарной и экстраординарной власти. Что же касается народного суверенитета, то в этом случае подобного смешения не должно бы и возникать: народ ведь не собирается на референдум каждый раз, когда необходимо принять «*решение о применении права к конкретному случаю*».

Необходимо, впрочем, отметить, что и в дореволюционной России ясность в вопросе о разграничении рядовых решений высших органов власти и Решений конститутивного характера, принимаемых сувереном в исключительных случаях, была далеко не всеобщей. Отсутствие этой ясности привело русских юристов конституционалистского направления и политиков либерального лагеря к оценке событий 3 июня 1907 г.³ как «государственного переворота». Такой вывод объясняется тем, что они рассматривали этот акт как совершенный монархом в качестве главы власти управления в рамках статей 10 и 87 Основных Законов, которые, в самом деле, не давали ему таких полномочий. В действительности же Манифест был именно Решением, «конститутивным для социального порядка», «решением в высшем смысле», как сказал бы К. Шмитт, принятым Императором как сувереном – носителем верховной власти по статье 4.

Другая важнейшая категория шмиттовского децизионизма, непосредственно связанная с понятием Решения, – «чрезвычайная ситуация» или «исключительный случай», при наступлении которого, собственно, суверен и принимает Решение. Это – прорыв политики в сферу права. В такой ситуации правовой порядок перестает действовать, и саму его возможность необходимо заново создать, а это делается политическими средствами, к которым и принадлежит Решение.

Можно ли *исключить исключительный случай* из политического и правового универсума? Разумеется, система права должна предусматривать максимально возможное число жизненных ситуаций, в том числе чрезвычайных, и содержать легальные механизмы выхода из них. Но исторический опыт неоднократно доказал нереалистичность стремления юридика раз и навсегда вписать все политические процессы, идущие в обществе, в рамки, зафиксированные нормами законов и конституций. Претендовать на это равносильно попытке исключить из жизни государственным образом организованного социума саму Историю, остановить ее ход. Завершение формирования государства – и даже правового государства – не эквивалентно «концу истории в одной отдельно взятой стране». История государства и права представляет собой незавершающееся противоборство Хаоса и Космоса, в котором невозможно заранее предусмотреть все ходы.

Это хорошо было известно К. Шмитту, создававшему свои основные произведения в период между двумя переломными для Германии событиями – Ноябрьской революцией и приходом к власти национал-социалистов (недаром его современник и соотечественник Освальд Шпенглер дал книге своих размышлений о том времени, изданной в 1933 г., название «Годы решений»; решения, как мы знаем теперь, привели к катастрофе, но самого факта, что это были именно Решения, это не отменяет). Было это очевидно и для Тихомирова, Казанского и Захарова, пик творческой активности которых пришелся на годы Решений для России – период между 1905 и 1917 годами.

Именно понятие исключительного случая представляет собой главный нерв децизионизма. Цель этой теории (как в ее шмиттовском изводе, так и в дорево-

³ Напомним, что 3 июня 1907 г. Императором Николаем II был издан Высочайший Манифест о роспуске второй Государственной Думы и внесении изменений в закон о выборах.

люционном русском) не в оправдании ничем не сдерживаемого произвола власти, а в том, чтобы найти золотую середину между бессилием права и неправовым применением силы. Любой социальный порядок, каким бы незыблемым он ни казался «изнутри», не вечен, как всякое вообще произведение рук человеческих. Волны хаоса непрестанно бьются в возведенные отцами-основателями государств и авторами конституций дамбы юридических конструкций. Рано или поздно наступает момент, когда конструкции не выдерживают, и хаос врывается в политический космос, грозя ему разрушением. В истории каждого государства случаются кризисы, для выхода из которых приходится принимать чрезвычайные меры.

Конечно, можно предусмотреть в конституции случаи, когда вводится чрезвычайное положение, порядок его объявления и действий органов власти в нем. Каждая правовая система стремится как можно полнее урегулировать такие ситуации. Это, так сказать, ординарное чрезвычайное положение. Но все равно, как показывает история, рано или поздно происходит Событие, масштаб которого таков, что предусмотренных конституцией чрезвычайных мер оказывается недостаточно для избавления от угрозы крушения государственности. И тогда кому-то приходится действовать «поверх» закона, «поверх» конституции. Этот «кто-то» и есть суверен – и по Шмитту («Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении», – отчеканил он в «Политической теологии» (Шмитт, 2000, с. 15)), и по представлениям русской государственно-правовой науки XIX – начала XX веков. Но как определить, когда еще рано задействовать эту чрезвычайную учредительную власть суверена, а когда уже пора?..

Список литературы

1. Алексеев, А. С. (1897). *Русское государственное право*. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг.
2. Гузикова, М. О., Спиридонов, Д. В. (2014). Лингвистическое описание идеологий: проблема методологий. *Политическая лингвистика*, 4(50), 105–112.
3. Дугин, А. (1994). Карл Шмитт: пять уроков для России. *Консервативная революция*. М.: Арктогея.
4. Ерохин, И. А. (2019). Идеологическая теология Карла Шмитта. *История и современность*, 3(33), 24–48. doi: 10.30884/iis/2019.03.02
5. Захаров, Н. А. (2002). *Система русской государственной власти*. М.: Москва.
6. Исаев, И. А. (2007). Государство-Левиафан. Карл Шмитт о теории власти Томаса Гоббса. *Lex russica (Русский закон)*, 66(2), 193–212.
7. Казанский, П. Е. (1999). *Власть Всероссийского Императора*. М.: Москва.
8. Кондуров, В. Е. (2018). Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции. *Труды Института государства и права РАН*, 13(5), 63–91.
9. Коркунов, Н. М. (1899). *Русское государственное право: Введение и общая часть* (3-е изд., перераб., Т. 1). С-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича.
10. Костогрызов, П. И. (2003). Была ли Россия конституционной монархией

по Основным Законам 23 апреля 1906 г? *Вестник Саратовской государственной академии права*, 4(37), 20–23. Взято с <https://www.academia.edu/2256054>

11. Костогрызов, П. И. (2013). Основные Государственные Законы Российской Империи в редакции 23 апреля 1906 г.: проблемы толкования в российской правовой мысли. *Источники права и источники познания права. Теоретические, методологические и методические проблемы исследования. Мат-лы круглого стола 21–22 июня 2013 г.* (с. 263–268). Екатеринбург: УрГЮА. Взято с <https://www.academia.edu/5589558>

12. Костогрызов, П. И. (2016а). Разделение властей по Основным Законам Российской Империи в редакции 23 апреля 1906 г. *Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С. – Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2015 г. Ч. 2* (с. 5–9). СПб.: Изд-во «Элек-Сис». Взято с <https://www.academia.edu/30362081>

13. Костогрызов, П. И. (2016б). Реформирование государственного строя Российской Империи в 1906 г.: цели и результаты. *Эволюция российского и зарубежного государства и права. Сб-к науч. трудов* (Т. 1, с. 687–693). Екатеринбург. Взято с <https://www.academia.edu/31264629>

14. Мальцев, К. Г., Зайцева, Е. А. (2016). К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта). Часть 2: Децизионизм К. Шмитта. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 4(44), 103–114.

15. Остроменский, М. П. (2016). К теории партизана К. Шмитта: социально-политическая эвентуальность появления партизана. *Вестник МГИМО-Университета*, 5(50), 86–93.

16. Остроменский, М. П. (2017). К теории партизана К. Шмитта: партизан и проблема децизионизма. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 2, 16–28.

17. Русакова, О. Ф. (2013). Децизионизм как базовый концепт консервативного дискурса К. Шмитта. *Научный журнал «Дискурс-Ли»*, 1–2(11–12), 266–269.

18. Тихомиров, Л. А. (2008). *Руководящие идеи русской жизни*. М.: Институт русской цивилизации.

19. Филиппов, А. Ф. (2000). Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа. *Политическая теология. Сборник I* (с. 259–314). М.: КАНОН-пресс-Ц.

20. Чичерин, Б. Н. (1894). *Курс государственной науки. Ч. 1*. М.: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко.

21. Шмитт, К. (2000). *Политическая теология. Сборник I*. М.: КАНОН-пресс-Ц.

22. Шмитт, К. (2005). *Диктатура*. СПб.: Наука.

23. Юрлова, М. Д. (2012). Карл Шмитт: учение о гаранте конституции как пример «конкретного мышления» о государственных формах и порядке. *Логос*, 5(89), 196–204.

24. Юрлова, М. Д. (2016). Понятие чрезвычайного положения и «нового порядка» в политической мысли Карла Шмитта. *Пути России. Т. XXI: Новый*

старый порядок – вечное возвращение (с. 67–75). М.: Новое литературное обозрение.

References

1. Alekseev, A. S. (1897). *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law]. М.: Тип. О-ва rasprostraneniya poleznykh knig.
2. Chicherin, B. N. (1894). *Kurs gosudarstvennoi nauki. Ch. 1* [State Science Course. Part I]. М.: Tipografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko.
3. Dugin, A. (1994). Karl Shmitt: piat' urokov dlia Rossii [Carl Schmitt: Five lessons for Russia]. *Konservativnaia revoliutsiia*. М.: Arktogeia.
4. Erokhov, I. A. (2019). Ideologicheskaiia teologiia Karla Shmitta [The ideological theology of Carl Schmitt]. *Istoriia i sovremennost'*, 3(33), 24–48. doi: 10.30884/iis/2019.03.02
5. Filippov, A. F. (2000). Karl Shmitt. Rastsvet i katastrofa [Carl Schmitt. Prosperity and catastrophe]. *Politicheskaiia teologiia. Sbornik I* (pp. 259–314). М.: KANON-press-Ts.
6. Guzikova, M. O., & Spiridonov, D. V. (2014). Lingvisticheskoe opisanie ideologii: problema metodologii [Linguistic description of ideologies: the problem of methodologies]. *Politicheskaya lingvistika*, 4(50), 105–112.
7. Isaev, I. A. (2007). Gosudarstvo-Leviafan. Karl Shmitt o teorii vlasti Tomasa Gobbsa [Leviathan-State. Carl Schmitt on Thomas Hobbes' theory of power]. *Lex russica (Russkii zakon)*, 66(2), 193–212.
8. Kazanskii, P. E. (1999). *Vlast' Vserossiiskogo Imperatora* [Power of the All-Russian Emperor]. М.: Moscow.
9. Kondurov, V. E. (2018). Osnovaniia deistvitel'nosti pravoporiadka i problema iustitsiabel'nosti "politicheskogo": K. Shmitt o granitsakh iustitsii. [Foundations of the validity of the rule of law and the problem of the "political" justice: C. Schmitt on the borders of justice]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 13(5), 63–91.
10. Korkunov, N. M. (1899). *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law]. S-Peterburg: Тип. М. М. Stasyulevicha.
11. Kostogryzov, P. I. (2003). Byla li Rossiia konstitutsionnoi monarkhieii po Osnovnym Zakonom 23 apreliia 1906 g? [Was Russia a constitutional monarchy under the April 23, 1906 Fundamental Laws?]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava*, 4(37), 20–23. Retrieved from <https://www.academia.edu/2256054>
12. Kostogryzov, P. I. (2013). Osnovnye Gosudarstvennye Zakony Rossiiskoi Imperii v redaktsii 23 apreliia 1906 g.: problemy tolkovaniia v rossiiskoi pravovoi mysli [Fundamental State Laws of the Russian Empire as amended on April 23, 1906: problem of interpretation in Russian legal thought]. *Istochniki prava i istochniki poznaniia prava. Teoreticheskie, metodologicheskie i metodicheskie problemy issledovaniia. Mat-ly kruglogo stola 21–22 iunia 2013 g.* (pp. 263–268). Ekaterinburg: UrGUuA. Retrieved from <https://www.academia.edu/5589558>
13. Kostogryzov, P. I. (2016a) Razdelenie vlastei po Osnovnym Zakonom Rossiiskoi Imperii v redaktsii 23 apreliia 1906 g. [Separation of powers according to the Fundamental Laws of the Russian Empire as amended on April 23, 1906].

Tavrisheskie chteniia 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriia i sovremennost'. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, S. – Petrburg, Tavricheskii dvorets, 10–11 dekabria 2015 g. Ch., 5–9. SPb.: Izd-vo “Elek-Sis”. Retrieved from <https://www.academia.edu/30362081>

14. Kostogryzov, P.I. (2016b). Reformirovanie gosudarstvennogo stroia Rossiiskoi Imperii v 1906 g.: tseli i rezul'taty [Reform of the political system of the Russian Empire in 1906: goals and results]. *Evoliutsiia rossiiskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava. Sb-k nauch. trudov* (Vol. 1, pp. 687–693). Ekaterinburg. Retrieved from: <https://www.academia.edu/31264629>

15. Mal'tsev, K.G., & Zaitseva, E.A. (2016). K voprosu o statuse i interpretatsii resheniia v ontologiiakh «sotsial'nogo poriadka» (transscendentalizm M. Vebera i detsizionizm K. Shmitta). Chast' 2: Detsizionizm K. Shmitta [On the status and interpretation of solutions in ontologies of the “social order” (M. Weber's transcendentalism and C. Schmitt's decisionism). Part 2: Decisionism by C. Schmitt]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serii: Sotsial'nye nauki*, 4(44), 103–114.

16. Ostromenskii, M.P. (2016). K teorii partizana K. Shmitta: sotsial'no-politicheskaia eventual'nost' poiavleniia partizana [On C. Schmitt's theory of partisan: socio-political eventuality of the appearance of partisans]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 5(50), 86–93.

17. Ostromenskii, M.P. (2017). K teorii partizana K. Shmitta: partizan i problema detsizionizma [On C. Schmitt's theory of partisan: partisans and the problem of decisionism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serii: Politologiya*, 2, 16–28.

18. Rusakova, O.F. (2013). Detsizionizm kak bazovyi kontsept konservativnogo diskursa K. Shmitta [Decisionism as a Basic Concept of C. Schmitt's Conservative Discourse]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 1–2(11–12), 266–269.

19. Schmitt, C. (2000). *Politicheskaia teologiya. Sbornik I* [Political theology. Collection I]. M.: KANON-press-Ts.

20. Schmitt, C. (2005). *Diktatura* [Dictatorship]. SPb.: Nauka.

21. Tikhomirov, L.A. (2008). *Rukovodiashchie idei russkoi zhizni* [Guiding ideas of Russian life]. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.

22. Yurlova, M.D. (2012). Karl Schmitt: uchenie o garante konstitutsii kak primer «konkretnogo myshleniia» o gosudarstvennykh formakh i poriadke [Carl Schmitt: the doctrine of the guarantor of the constitution as an example of “concrete thinking” about state forms and order]. *Logos*, 5(89), 196–204.

23. Yurlova, M.D. (2016). Ponyatie chrezvychajnogo polozheniya i “novogo poryadka” v politicheskoi mysli Karla Shmitta [The concept of the state of emergency and the “new order” in the political thought of Carl Schmitt]. *Puti Rossii. T. XXI: Novyj staryj poryadok – vechnoe vozvrashchenie* (pp. 374–408). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

24. Zakharov, N.A. (2002) *Sistema russkoi gosudarstvennoi vlasti* [The system of Russian state power]. M.: Moscow.